

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

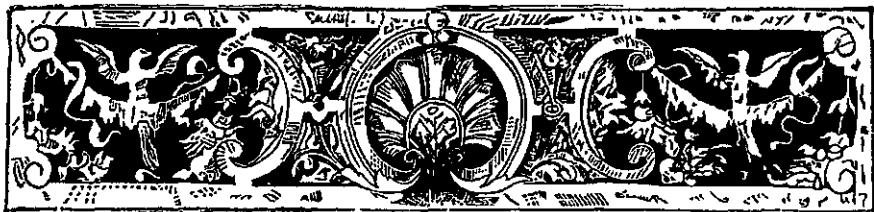
ТОМЪ СХVII.

1909

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1909

ЧЕЛЯБИНСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

I.

ЧЕЛЯБИНСКЪ, бывшее татарское селеніе Селябы, въ настоящае время все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ значительное положеніе среди остальныхъ городовъ Зауралья.

Ему, несомнѣнно, принадлежитъ въ будущемъ роль столицы Зауральскаго края, природныя богатства котораго, вродѣ плодородной почвы, цѣлебныхъ водъ, многихъ горныхъ породъ, тучныхъ пастбищъ и дѣвственныхъ лѣсовъ, до сихъ поръ еще мало использованы.

По распространенному преданію, Челябинскъ основанъ во времена ханскаго владычества и служилъ для татаръ крѣпостью. Жители города до сихъ поръ указываютъ на стѣну женскаго монастыря, которая образовалась изъ стѣнъ бывшихъ крѣпостныхъ укрѣпленій. Самый монастырь—по размѣрамъ небольшой, но монахини его отличаются чисто мужской энергіей и трудолюбіемъ. Съ громаднымъ успѣхомъ онѣ ведутъ полевыя работы по монастырскимъ заимкамъ.

Крайне оригинальна бываетъ картина работъ монахинь въ полѣ. Молодыя и здоровыя, онѣ ловко управляютъ съ крутящимися и стучащими машинами, то подсыпая въ вѣялку зерно, то отгребая солому отъ молотилокъ, и т. д. Монастырскія поля считаются здѣсь лучшими по обработкѣ, а огородные овощи и ягоды славятся далеко за городомъ. Монахини исполняютъ въ монастырѣ и малярныя, и плотницкія работы, и работы домовыхъ извозчиковъ, перевозя изъ заимокъ въ монастырь хлѣба и иныя тяжести.

Внутреннее благоустройство города весьма неодинаково. Въ иныхъ мѣстахъ городскія постройки придаютъ городу типъ чисто провинціальныхъ улицъ съ маленькими домиками-особнячками (Семеновская гора, Оренбургская улица и т. д.).

Въ другихъ мѣстахъ города постройка сообщаетъ городу видъ болѣе сложной архитектуры домовъ, со многими квартирами, церквями и соборами на площадяхъ и т. д. (Большая улица, Уфимская и др.).

Улицы большею частью не мощенныя, а если замощены, то непременно такъ, чтобы камешки, самой различной величины и формы, острыми углами располагались наружу... Во время дождя проѣздъ по городу является почти невозможнымъ. Лошади вязнутъ, колеса экипажей утопаютъ даже и на мощеныхъ улицахъ. Въ сухую же погоду малѣйшій вѣтерокъ поднимаетъ по всему городу цѣлые вихри ужасной всесъѣдающей пыли. Многочисленные площади изборозжены по всѣмъ направленіямъ слѣдами экипажей, съ кучами сжигаемаго поезда, щебня или утопившейся въ грязи телѣги. Во время дождя—это сплошь мѣсиво, въ сухую погоду—вулканическая поверхность Везувія.

Краснорѣчивымъ украшеніемъ городскихъ мостовыхъ являются застрявшія тамъ и здѣсь калоши неопытныхъ и вновь прибывшихъ въ городъ пассажировъ. Въ мелкихъ калошахъ ходьба по городу буквально невозможна. По нимъ обыкновенно узнаются пріѣзжіе. Мѣстные же обыватели, отъ торговца до извѣстной дамы, если хотятъ итти пѣшкомъ, запасаются даже лѣтомъ такъ называемыми полуботиками.

По своему внѣшнему виду городъ походитъ на большую деревню, въ которой вдругъ разбогатѣли обыватели и принялись за спѣшную постройку складовъ, банковъ, биржи, таможни и т. д.

Вообще городъ интересенъ не своимъ прошлымъ, а быстрымъ ростомъ и культурной жизнью въ настоящее время. Онъ расположенъ по берегамъ несудоходной рѣки Мѣса, придающей городу внѣшнюю оживленность, но не доходъ.

Несмотря на спѣшное домостроительство, въ Челябинскѣ очень трудно найти удобную квартиру, такъ же, какъ и хорошую прислугу. Еще для комнатныхъ услугъ можно найти деревенскую дѣвушку и пріучить ее къ домашнимъ работамъ. Кухарокъ же положительно нѣтъ. Кто хочетъ имѣть хорошій столъ, тотъ долженъ выписывать кухарку изъ Петербурга или обречь себя на произволь мѣстной «стряпки», которая грозитъ каждый моментъ васъ покинуть, если вы не исполняете всѣхъ ея капризовъ. Кухарки—вотъ кто можетъ имѣть въ Челябинскѣ благодарный заработокъ и постоянныя мѣста за отсутствіемъ конкурентовъ.

До проведенія Сибирской желѣзной дороги Челябинскъ не игралъ никакой роли, а съ проложеніемъ рельсоваго пути онъ становится

единственнымъ передаточнымъ пунктомъ для товаровъ и пассажировъ, ѣдущихъ изъ Россіи въ Сибирь и обратно.

Наибольшее оживленіе и торговое значеніе онъ пріобрѣтаетъ съ того момента, когда становится узловой станціей трехъ желѣзныхъ дорогъ: Самаро-Златоустовской, Сибирской и Пермской. Съ открытіемъ въ недавнее время Сѣверной дороги, время проѣзда между Петербургомъ и Челябинскомъ сократилось съ шести дней на четыре.

Насколько велика работа станціи по грузовому движенію, свидѣтельствуетъ то, что при станціи имѣется до двухсотъ верстъ однихъ запасныхъ путей.

Съ развитіемъ желѣзнодорожнаго движенія населеніе города быстро увеличивается. Официально въ немъ насчитывается 19 тысячъ жителей, а съ желѣзнодорожными поселками оно достигаетъ до 25 тысячъ.

Челябинскъ рѣзко отличается отъ другихъ провинціальныхъ городовъ тѣмъ, что чиновничество въ немъ не является господствующимъ классомъ и не задаетъ тона, какъ это бываетъ обыкновенно въ другихъ мелкихъ городахъ. Пріѣзжіе сюда на службу чиновники смотрятъ на свое пребываніе, какъ на переходную стадію. Они дѣйствительно быстро переводятся въ болѣе отдаленные и выгодные пункты Сибири или подвигаются обратно къ столицѣ. Никто изъ нихъ не засиживается и живетъ здѣсь какъ на бивуакахъ—«проходимцемъ»... Болѣе постоянный классъ населенія состоитъ изъ крупнаго купечества, мелкихъ торговцевъ и желѣзнодорожниковъ разнаго калибра.

Несмотря на нѣсколько торговыхъ складовъ въ городѣ, торговля ведется преимущественно привозными товарами московскихъ и варшавскихъ фирмъ. Промышленность мѣстная развита очень мало. Имѣется одинъ заводъ земледѣльческихъ орудій и другой винокуренный. Существуютъ три банка и биржа. Большой процентъ среди торговцевъ составляютъ евреи и татары. Но, какъ это ни странно, чего въ Челябинскѣ не мыслимо достать за обыкновенную у насъ цѣну—это мѣховъ и готовыхъ мѣховыхъ вещей. Сибирскіе мѣха въ Москвѣ гораздо дешевле, чѣмъ въ Челябинскѣ и Иркутскѣ... Дѣло въ томъ, что въ Сибири нигдѣ не развита обработка мѣховъ, и пушной товаръ отправляется въ сыромъ видѣ въ подмосковные заводы для выдѣлки и уже оттуда выдѣланнымъ онъ снова возвращается въ Сибирь на продажу.

Второй многочисленный классъ челябинскаго населенія составляютъ желѣзнодорожные служащіе. Они преимущественно населяютъ крупные поселки, расположенные около станціи: Николаевскій поселокъ, Колупаевку и знаменитый «Портъ-Артуръ», который возникъ въ печальную годовщину паденія крѣпости Портъ-Артура на Дальнемъ Востокѣ. Поселокъ этотъ представляетъ собою

обширную площадь, застроенную въ высшей степени безсистемно самыми разнообразными постройками, начиная отъ тесовыхъ избъ съ палисадниками и кончая лачугами, сложенными изъ гнилыхъ желѣзнодорожныхъ шпалъ. Нерѣдки здѣсь и землянки, вырытыя прямо въ землѣ и обложенныя хворостомъ.

Худой славой пользуется этотъ поселокъ, скрывая въ своихъ закоулкахъ немало преступныхъ людей, пьяныхъ забулдыгъ и даже бѣглыхъ каторжанъ. Вообще съ общимъ развитіемъ и обогащеніемъ города отбросы общества изъ «Портъ-Артура» беззащитно орудуютъ на городскомъ шоссе и на окраинахъ, какъ только спускаются надъ городомъ сумерки. Воровство и убійства здѣсь вещь заурядная, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Челябинскъ сталъ мѣстомъ уголовной административной ссылки. Въ газетахъ постоянно писали о томъ, что въ городѣ не проходитъ дня безъ преступленія. Кражи, грабежи и разбойничьи нападенія дошли до чудовищныхъ размѣровъ. Совершивъ разбой, преступники почти всегда скрываются, даже днемъ. А ночью невозможно появиться на улицѣ, не рискуя быть ограбленнымъ или убитымъ.

Городская дума постановила возбудить ходатайство передъ губернаторомъ и премьеръ-министромъ о прекращеніи высылки уголовныхъ въ Челябинскъ и о продленіи положенія объ усиленной охранѣ. Конечно, эти мѣры чисто виѣшнія: вмѣсто Челябинска уголовныхъ будутъ высылать въ другой городъ, и это значитъ изъ одного кармана переложить грязный платокъ въ другой. Что касается исключительныхъ законовъ, то они не замѣнятъ дешеваго хлѣба и заработка для ссыльныхъ и нессыльныхъ работниковъ.

А между тѣмъ, несмотря на то, что Челябинскъ служитъ крупнымъ передаточнымъ пунктомъ, черезъ который проходятъ солидные экспорты различныхъ товаровъ изъ Сибири въ Россію и обратно, всѣ предметы потребленія въ самомъ городѣ очень дороги и дорожаютъ съ каждымъ годомъ.

Челябинцы съ грустью вспоминаютъ давно минувшія времена (дѣтъ десять тому назадъ), когда мясо стоило три-четыре копейки фунтъ (положимъ, русское, не черкасское), яйца — 8—10 копеекъ, дешевые огурцы и зелье; 60 коп. пара гусей (дичь, хотя бы и крупную, принято продавать и покупать парами), 70 коп. индюшка и т. под. Теперь мясо малорослаго и молодого мѣстнаго скота дошло до 14—16 коп. Тѣмъ болѣе сжимается сердце челябинца при видѣ громадныхъ ежедневныхъ отправокъ гуртовъ прекраснаго скота изъ Акмолинской и Тургайской областей въ Москву, Петербургъ и южные города. Въ среднемъ каждый день черезъ Челябинскъ проходятъ до 600 головъ рогатаго скота. Идутъ гурты скота «пѣшкомъ» отъ мѣста своего рожденія до посадки въ Челябинскѣ на поѣздъ, проходя многочисленные на своемъ пути медицинскіе этапы. На каждомъ этапѣ находится медицинскій персоналъ изъ

ветеринарныхъ фельдшеровъ, и производится тщательный осмотръ скота. При малѣйшемъ подозрительномъ по болѣзни случаѣ весь гуртъ задерживается въ карантинѣ. По прибытіи скота въ Челябинскъ производится еще разъ его осмотръ, и тогда только приступаютъ къ посадкѣ скота для дальнѣйшаго слѣдованія. При посадкѣ нерѣдко происходятъ сцены сопротивленія со стороны обреченныхъ животныхъ. Обыкновенно покорные во все время перегоны своимъ проводникамъ, быки начинаютъ дико мычать и вырываться изъ рукъ посадчиковъ, убѣгая иногда далеко въ поле. Прогонный скотъ принадлежитъ обыкновенно богатымъ скупщикамъ, большею частью изъ киргизовъ или татаръ. Что касается погонщиковъ-проводниковъ, то они, истощенные, черные, въ одеждахъ, состоящихъ сплошь изъ клочковъ, на кривомъ сѣдлѣ и маленькой лошадекѣ, производятъ впечатлѣніе какихъ-то духовъ-покровителей, бдительно охраняющихъ судьбу стада. Не легко иногда бываетъ справиться изнуренному погонщику съ остервенѣвшимъ животнымъ. На моихъ глазахъ одинъ изъ такихъ погонщиковъ умеръ посреди поля въ погонѣ за бѣшенымъ быкомъ. У несчастнаго погонщика отъ быстрой ѣзды хлынула изо рта и изъ носа кровь. Онъ слетѣлъ съ сѣдла и черезъ нѣкоторое время лишился жизни. Обыкновенно доставленный такимъ образомъ быкъ стоитъ въ Петербургѣ рублей 80—90. На всемъ пути слѣдованія рогатаго скота по желѣзной дорогѣ для него уже заранѣе заготовлены чункты, на которыхъ должны производиться кормежка и водопой. Тщательно поддерживается питаніе скота, чтобы онъ не отощалъ и не потерялъ бы на мѣстѣ назначенія своей высокой стоимости.

О быстромъ ростѣ и развитіи города немало свидѣтельствуетъ справка о томъ, что лѣтъ 15 тому назадъ трехверстное разстояніе между станціей и городомъ было покрыто сплошь дремучимъ березовымъ лѣсомъ, и до города нужно было добираться по узкой лѣсной дорожкѣ, рискуя оставить голову подъ дубиной бѣглаго каторжника. Въ настоящее время городъ соединяется со станціей трясушимъ шоссе, очень плохимъ, но все-таки вымощеннымъ. По шоссе пустили общественный омнибусъ... Что это за омнибусъ, лучше не говорить... Но онъ все-таки существуетъ, какъ и въ цивилизованныхъ странахъ. Омнибусъ—это не что иное, какъ деревянный ящикъ безъ оконъ, съ двумя дырками вмѣсто дверей. Кучеръ при немъ верхъ безобидности и хладнокровія.

Между кучеромъ и пассажирами дилижанса происходятъ постоянныя пререканія:

— Да погони же ты лошадей-го немного... Поѣздъ уйдетъ,— раздаются голоса изъ дилижанса.

— Никакъ невозможно для лошадей... Тяжесть-то какая...

— Да какая тамъ тяжесть? Насъ всего двое ѣдетъ. Развѣ это тяжело?

Челябинскъ. Мостъ на рѣкѣ Міясѣ.

— Да что пассажиры... Пассажиры, известно, тяжесть небольшая, а вот деллижансъ-то чего стоятъ протащить... Безъ мала тридцать пудовъ вѣситъ.

Въ Челябинскѣ все есть, но все скороспѣло, все сдѣлано съ горячкой, которая мѣшала солидно и основательно подумать надъ дѣломъ. Дома растутъ въ Челябинскѣ съ быстротою поганыхъ грибовъ послѣ дождливой погоды и, конечно, обладаютъ такимъ же крупнымъ недостаткомъ, т. е. вовсе непригодны для жилья и тѣмъ не менѣе берутся нарасхватъ. Явленіе это очень понятно и легко объяснимо. Городъ такъ быстро растетъ, потребности такъ быстро назрѣваютъ, что ихъ не успѣваютъ удовлетворять съ надлежащею добросовѣстностью. Нужно имѣть въ виду, что Челябинскъ—городъ уѣздный, а у насъ въ Россіи есть областные города, гдѣ два-три десятка жителей, напримѣръ, Тургай, областной городъ Тургайской области. Онъ настолько незначителенъ, что все областное начальство, которому надлежало бы въ немъ жить, — живетъ въ Оренбургѣ и оттуда править дѣлами области.

Курьезны своею претенціозностью въ Челябинскѣ вывѣски торговцевъ и ремесленниковъ. Напримѣръ: «Самый свѣжій кондитерскій товаръ изъ Уфы» (отъ Уфы до Челябинска сутки съ лишнимъ ѣзды). «Готовое европейское платье парижскаго мастера Стерледева»... Сама вывѣска краснорѣчиво представляетъ бараній тулупъ и кучерскую поддевку... Увидите и «Вѣнскій шикъ мадамъ Акулинъ», пріютившійся въ покосившемся флигелишкѣ съ кривыми шляпными болванчиками на окнахъ...

Но все это лишь устарѣлые пріемы отживающихъ типовъ Гоголевской провинціи, а на мѣсто ихъ идутъ товары, магазины и дѣльцы настоящей буржуазіи съ гордыми и просвѣщенными намѣреніями... Это не просто крупные купцы, хищнически эксплуатирующіе и рабочаго, и потребителя, но настоящіе артисты отъ коммерціи, мнящіе себя «солью» прогресса и презирающіе бездѣльныхъ интеллигентовъ Чехова и Л. Андреева.

На просторѣ Оренбургскихъ степей очень хорошо наблюдать этихъ первыхъ провозвѣстниковъ нарождающейся культуры края. Это они вытѣсняють первобытный мѣновой способъ торговли денежнымъ и измѣняютъ совершенно домашній бытъ мѣстнаго населенія. Во многихъ мѣстахъ Оренбургской губерніи русскіе купцы за спиртъ и табакъ отбирають у башкиръ озера, у киргизъ — пастбища, шерсть, шкуры и прочія богатства кочевниковъ. Въ городѣ Троицкѣ до сихъ поръ существуетъ мѣновой дворъ для торговли съ инородцами, но его значеніе съ каждымъ годомъ уменьшается. Инородецъ привыкаетъ торговать на деньги, тѣмъ болѣе, что среди мѣстнаго купечества немало лицъ, знающихъ киргизскій и башкирскій языки.

II.

На зауральскихъ рынкахъ нерѣдко можно встрѣтить, рядомъ съ цивилизованнымъ купечествомъ, и дикаго киргиза съ его верблюдами. Одна изъ путешественницъ Е. Куликовская, увидѣвши въ первый разъ караваны верблюдовъ, нарисовала въ защиту животныхъ слѣдующую картину:

«Киргизъ протягивалъ толстую волосяную веревку въ проткнутую губу верблюда; верблюдъ неистово кричалъ, а когда пытка была окончена, онъ сталъ тихо стонать и озираться по сторонамъ, какъ бы ища защитниковъ и избавителей; его добрые глаза заволоклись какой-то дымкой отъ страданій; а по щекамъ текли кровавыя слезы и падали на землю... Чтобы не видѣть страданій, я въ тоскѣ перевела глаза на другого вблизи стоящаго верблюда; но тамъ было немногимъ лучше: тамъ вмѣсто шерстяной веревки былъ продѣтъ деревянный гвоздь; раны сильно прогнили и заструпились отъ гвоздя; головка его прошла внутрь и тамъ застряла, а на острый конецъ его была навязана веревка, за которую по минутно дергали и бередили раны. При малѣйшемъ прикосновеніи хозяина къ веревкѣ несчастное животное спѣшило угадать его желаніе и тѣмъ предотвратить мучительную боль въ своей ранѣ. И Боже мой! Какая тоска была написана въ его глазахъ. Я быстро перевела взглядъ на другого верблюда. Вотъ, противъ меня стоитъ сильно уставшее животное. Быть можетъ, оно пришло сюда за тысячи верстъ, неся на себѣ тяжесть. Тщетно пытается оно прилечь: хозяинъ, въ благодарность своему кормильцу, коротко привязалъ его къ столбу. По мѣрѣ того, какъ я присматривалась къ отдѣльнымъ животнымъ, меня все болѣе поражало разнообразіе ихъ фізіономіи. У каждаго верблюда свое особенное выраженіе, чего я не наблюдала у другихъ животныхъ. Вотъ, на примѣръ, стоитъ группа верблюдовъ, коротко связанныхъ мордами другъ къ другу; среди нихъ стоитъ гигантъ, выше своихъ товарищей по крайней мѣрѣ на цѣлую голову, и, несмотря на свою могучесть, онъ смотритъ на всѣхъ внизъ необыкновенно кротко и какъ-то наивно мигаетъ своими мохнатыми глазками. Такъ и тянетъ погладить его. Но это животное за всю свою жизнь не видало ни одной ласки, и на протянутую по направленію морды человѣческую руку смотритъ съ ужасомъ, какъ на орудіе пытки. А вотъ рядомъ съ нимъ стоитъ хохлатый верблюдъ; выраженіе его спокойное и гордое. Какъ видно, это животное еще не употреблялось для перевозки тяжестей, и ноздри не были проткнуты... Опять крикъ верблюда,—это киргизенокъ, лѣтъ девяти, всею силой своей дергаетъ верблюда за поводъ книзу, и животное покорно ложится. Я подошла посмотреть, для чего понадобилось это мальчишкѣ; оказалось, только для того, чтобы облокотиться на шею

животнаго. А вотъ киргизъ, верхомъ на верблюдѣ, со страшно разъяреннымъ лицомъ, дергаетъ веревку отъ ноздрей во всѣ стороны; бѣдное животное не сразу поняло его желаніе; жалко было смотрѣть, какъ слѣшилъ верблюдъ поворачивать свою добрую морду по всѣмъ указаніямъ освирипѣвшаго человѣка. Губы животнаго то перетягивались на бокъ, то выпячивались впередъ,—словомъ, человѣкъ уродовалъ, какъ только могъ, эту милую морду и, казалося, этимъ уродствомъ наслаждался.

Гуманная путешественница требуетъ закона, который воспрепятствовалъ бы въѣздъ въ городъ на искалѣченныхъ верблюдахъ подѣ страхомъ штрафа. Она увѣряетъ, что верблюдъ прекрасно слушается и обыкновеннаго недоуздка. Только для этого надо немного потрудиться, какъ и съ лошадыю. «Ну, а настоящій способъ не требуетъ даже этого, потому что животное отъ боли дѣлаетъ, что угодно, по первому разу. Въ Китаѣ рабочимъ воламъ протыкаютъ ноздри, и китайцы увѣряютъ, что волъ иначе не пойдетъ. Намъ же всѣмъ извѣстно, насколько это несправедливо».

Въ свою очередь, и киргизъ безбожно эксплуатируется и русскими торговыми людьми, и русскими чиновниками, въ особенности въ переселенческомъ дѣлѣ.

Трудно помириться съ переселенческимъ управленіемъ, которое разоряетъ туземцевъ-киргизъ въ дальнихъ губерніяхъ, отрѣзывая у нихъ будто бы «излишнія» земли въ пользу переселенцевъ, хотя послѣ этой операціи тѣ же киргизы принуждены всегда искать новыхъ мѣстъ для своихъ стадъ или арендовать свои же земли у переселенцевъ. Одинъ изъ ходоковъ, въ своихъ запискахъ о поискахъ земли въ Сибири, имено Сумкинъ, совершенно вѣрно заключаетъ, что всѣ эти пески, солонцы, каменные горы и каменистыя сухія земли—совсѣмъ не свободныя и не излишнія мѣста: они рѣшительно необходимы для киргизскаго скота, которымъ и поѣдается какая бы то ни было растительность этихъ мѣстъ. Петербургскіе чиновники не могутъ примириться съ той мыслью, что какъ это у киргизъ по 400 десятинъ на хозяйство, и поэтому необходимо превратить ихъ въ земледѣльцевъ и, вмѣсто одного хозяйства, на томъ же пространствѣ создать 40. Видимо, они забываютъ, что для кочевого быта (скотоводческаго) нужна земля болѣе, чѣмъ для осѣдлаго быта (земледѣльческаго).

Въ «Трудахъ частнаго совѣщанія степнаго генералъ-губернатора по вопросу о нуждахъ киргизъ» постоянно указывается на то, что киргизы находятъ ненормальнымъ то, что происходитъ въ настоящее время при отрѣзкѣ переселенческихъ участковъ и при отмежеваніи такъ называемыхъ дачъ единственнаго владѣнія казны изъ земель, до сихъ поръ находившихся въ пользованіи киргизъ. Производители работъ размежевываютъ въ участки наиболѣе цѣнныя для скотовода угодья: покосы, зимнія пастбища, пашни, наилучшіе

Спмеоновская улица.

водопой. Господа чиновники не считаются съ простымъ фактомъ, что если лишить киргизъ покоса, зимняго пастбища, водопоя и т. д., то остающаяся въ ихъ пользованіи огромная площадь безъ этихъ необходимыхъ угодій теряетъ всякую цѣнность. Между тѣмъ, несмотря на то, что киргизы нерѣдко имѣютъ осѣдлыя зимовыя стойбища на одномъ и томъ же мѣстѣ по нѣсколько десятковъ лѣтъ, въ которыхъ жило нѣсколько поколѣній,—переселенческіе чиновники все-таки считаютъ ихъ такими кочевниками, для которыхъ не составляетъ значительнаго ущерба переселиться изъ своего стойбища на новыя мѣста... Между тѣмъ выселеніе киргизъ, иногда при помощи казаковъ, со старыхъ зимовокъ для нихъ цѣлое разореніе...

Въ консервативной прессѣ вопросъ о кочевыхъ киргизахъ трактуется иначе и высказывается взглядъ, что только одни богатые скотоводы хлопчутъ объ обезпеченіи ихъ скотоводческаго быта, но что такихъ очень мало и что большинство киргизъ хочетъ быть земледѣльцами.

«Распоряжаясь неограниченно землей, захватывая лучшія пастбища, богатые скотоводы имѣютъ полную возможность безпредѣльно увеличивать свои богатства, совершенно не затрачивая личнаго труда и имъ ничего не надо, какъ сохраненіе условій, обезпечивающихъ такое скотоводческое хозяйство. Имѣя значительныя пространства земли, они имѣютъ и юридическую власть (судъ) надъ остальнымъ населеніемъ и т. д. Между тѣмъ большинство киргизъ, сильнѣе страдаая отъ вліянія случайныхъ причинъ безкормицы и падежа, не имѣя громаднхъ стадъ, юридической власти и видя наглядный примѣръ русскихъ крестьянъ, стремятся перейти къ земледѣлію».

Вслѣдствіе этого чиновники, будто бы, должны не стѣсняться со скотоводами и смѣло отнимать у нихъ пастбища и права въ пользу пахарей-киргизъ и переселенцевъ изъ Россіи. Нельзя — изъ-за передѣла немногихъ «старожиловъ», самовольно занявшихъ обширныя площади земель, остальному русскому населенію ждать разрѣшенія селиться на оставшихся свободныхъ земляхъ. «Нельзя, — кричатъ они, — изъ-за «монопольи старожиловъ» и «этическихъ соображеній» поощрять затяженіе полукочевого быта. Да и что это за этика отстаивать интересы косности тысячъ семей въ ущербъ интересамъ милліоновъ и всего государства!»

Но если бы это было и такъ, скажемъ мы; если бы дѣйствительно скотоводы-киргизы или иные инородцы, напр., въ приполярной Россіи, были въ меньшинствѣ, а большинство изъ нихъ стремилось перейти къ земледѣлію, то почему же не сохранить справедливость къ обѣимъ сторонамъ и не сохранить нормы землепользованія, отвѣчающія нуждамъ и скотоводства, и земледѣлія? Что касается юридическаго положенія тѣхъ и другихъ, то оно

Большая улица.

станетъ гораздо лучше съ улучшеніемъ ихъ экономическаго быта. Зачѣмъ же разорять и обижать однихъ въ пользу другихъ или эксплуатировать обѣ стороны инородческаго быта въ пользу третьей, въ пользу русскихъ переселенцевъ?

Не менѣе киргизъ привыкъ къ обманамъ и со стороны русскихъ торговцевъ.

Киргизъ безбожно эксплуатируется, потому что онъ не знаетъ цѣны вещамъ, но торгуется съ купцомъ долго и упорно. Выраженіе «точно киргизъ» относится къ людямъ, не знающимъ настоящей цѣны предметовъ и постоянно боящимся обмана. Даже у добросовѣстныхъ купцовъ цѣны на товары назначаются двухъ сортовъ: одна—для русскаго, и другая (двойная противъ первой)—для киргиза...

— Почему такъ?

— Иначе невозможно,—отвѣтятъ вамъ.—Киргизу нельзя сказать настоящую цѣну... Все равно будетъ давать половину. У него уже такое правило... А не уступишь—обидится... Ну, обыкновенно и назначаешь двойную противъ нормальной. Половину спустишь—и всѣ останутся довольны...

Купцы невольно навязжутъ въ обиходъ киргиза и самоваръ, и чайникъ, и тарелку, и чашку, и ложку... Можетъ быть, и полотенце и, чего добраго, салфетку... А тамъ и фотографическій портретъ, а позднѣе можетъ явиться у киргиза потребность имѣть лубокъ и грамоту.

Гордаго интеллигента здѣсь не встрѣтишь, но коммерсанты хвастливо заявляютъ о себѣ:

— Мы торгоши, но мы привезли въ юрты кочевниковъ и русскій языкъ, и русскую домашнюю утварь... А около нашихъ торговыхъ пунктовъ пролегаютъ и поддерживаются лучшіе пути сообщенія. Подъ вліяніемъ нашей торговли измѣнился и киргизъ. Въ былыя времена киргизы, кромѣ скотоводства, нерѣдко промышленяли профессиональными грабежами, ловко оперируя надъ зазѣвшимися путникомъ своей двухсаженной дубинкой. Они, какъ казаки съ нагайкой, и до сихъ поръ не равстаются съ нею, ловко жонглируя и попадая ею противнику въ черепъ. Недавно писали въ газетахъ, что въ предѣлахъ Яны-Курганской волости тянулся переселенческій обозъ, встрѣтившій на своемъ пути толпу киргизовъ. Киргизы ѣхали сначала, повидимому, безъ всякихъ враждебныхъ намѣреній. Но, не доѣзжая какихъ-нибудь сотни шаговъ до путниковъ, внезапно на секунду пріостановились и затѣмъ съ гикомъ понеслись на переселенцевъ. Въ обозѣ поднялось смятеніе. Послышались крики женщинъ, плачь дѣтей. Нападавшіе дѣйствовали своими «текменями» и кольями. Захваченные врасплохъ переселенцы оборонялись чѣмъ могли.

Соборъ на Сибирской улицѣ.

Когда уже нѣсколько переселенцевъ было ранено, послышался свистокъ паровоза. Происходившее въ степи побоище было замѣчено пассажирами и кондукторской бригадой. Сопровождавшіе поѣздъ стражники бѣгомъ пустились на выручку переселенцамъ, стрѣляя на ходу изъ винтовокъ.

Киргизы обратились въ бѣгство, успѣвъ однако ограбить у переселенцевъ послѣднее добро. Была снаряжена погоня. Какъ сообщаетъ «Р. С.», четырехъ киргизовъ задержали. Остальные скрылись. Киргизъ въ домашнемъ быту гостеприименъ. Въ своей юртѣ онъ накормитъ кумысомъ всякаго русскаго и обидится, если за это предложить ему плату; но въ степи въ былое время онъ съ удовольствіемъ разбивалъ ему голову своей палкой... Въ настоящее время русскій путникъ можетъ не бояться киргиза,— за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ...

Дѣйствительно, прежній киргизъ, о которомъ очень много писалъ и Н. Карзинъ въ своихъ романахъ, значительно измѣнился въ типъ тихаго инородца, забитаго мѣстными міроѣдами и администраціей. Пастбища киргизовъ урѣзываются и отдаются переселенцамъ изъ Россіи. Земледѣліе у киргиза идетъ плохо... Киргизъ къ нему не привыченъ, да и силъ не хватаетъ... Киргизъ хорошъ на лошади. Верхомъ онъ неутомимъ, какъ и его, съ виду маленькая, невзрачная, лошаденка. Она можетъ нѣсколько дней не ѣсть, какъ верблюдъ, и переносить самыя ужасныя тяжести... Киргизъ это объясняетъ тѣмъ, что прежде, чѣмъ лошадь совершенно не окрѣпнетъ и не вырастетъ, онъ подъ сѣдло не беретъ ее. Везъ лошади киргизъ не годится ни въ какую работу. Грузчикомъ быть онъ не можетъ — малосиленъ; умственной работы поручить нельзя — ничего не пойметъ... Можетъ быть, онъ и не такъ безтолковъ, какъ кажется на первый взглядъ, но, не понимая русскаго языка, кромѣ нѣкоторыхъ необходимыхъ словъ, онъ кажется очень недалекимъ.

Смышленными и болѣе работоспособными являются рядомъ съ нимъ татары. Одни изъ нихъ прекрасно обрабатываютъ поля; другіе сдаютъ свои пашни въ аренду и идутъ на станцію желѣзной дороги въ грузчики или въ извозчики по подвозкѣ матеріаловъ для ремонтныхъ работъ. Они арендуютъ у казаковъ землю для постройки лачугъ вблизи желѣзнодорожныхъ станцій, но на время полевыхъ работъ нѣкоторые изъ нихъ уходятъ на свои нивы, обработаютъ ихъ, снимутъ хлѣбъ и снова возвращаются къ поленнымъ работамъ на станціяхъ. Во время отсутствія хозяевъ лачуги ихъ забыты, а по возвращеніи надъ убогой крышей выкидывается флагъ, свидѣтельствующій о томъ, что хозяинъ возвратился и снова принялся за обычныя занятія.

Къ коренному населенію Оренбургской губерніи относится также и оренбургское казачество. Въ культурномъ отношеніи оно го-

раздо обезпеченнѣ и по развитію значительно выше, чѣмъ крестьянство.

Въ казакѣ поражаетъ прежде всего чувство собственнаго достоинства и сознаніе, что онъ несетъ какую-то особую миссію, возложенную на него государствомъ. Онъ пользуется многими льготами и преимуществами съ полнымъ сознаніемъ ихъ заслуженности. Хозяйственное правленіе Оренбургскаго казачьяго войска вмѣстѣ съ соотвѣтствующей литературой распространяетъ по станицамъ и поселкамъ сѣмена манчжурскаго гаоляна, настоятельно рекомендуя послѣдній для посѣва, какъ растеніе болѣе удобное для степныхъ условій, успѣшно борющееся съ засушливостью климата и лучше обезпечивающее урожай. Насколько извѣстно, за свои полезные качества хорошаго хлѣбнаго и кормового растенія гаолянъ въ нѣкоторыхъ среднихъ и южныхъ губерніяхъ уже разводится въ большомъ количествѣ и даетъ самые благопріятные результаты, тѣмъ болѣе, что онъ совершенно не требуетъ для себя большого удобренія и особой обработки почвы. По мнѣнію хозяйственнаго правленія, пишетъ «Пріур.», урожайность гаоляна въ предѣлахъ Оренбургской губерніи должна доходить до 300 пудовъ, если не больше, съ десятины.

III.

Общественная жизнь въ Челябинскѣ процвѣтаетъ преимущественно въ клубныхъ собраніяхъ. Въ городѣ два клуба. Одинъ собственно городской, а другой желѣзнодорожный.

Въ клубахъ процвѣтаютъ преферансъ, макао и различные «русско-славянскіе танцы», «коханочки» и т. д. Танцы исполнены провинціальныхъ особенностей. Танцуются они подъ какія-то оркестровыя или рояльныя частушки, почти всѣ на одинъ манеръ. Кавалеръ, стараясь держать бюстъ и голову каменно неподвижными, ногами стремится выдѣлывать самые невозможные выкрутасы, или же, наоборотъ, танцуетъ на однихъ пяткахъ, едва поворачиваясь, «неглиже съ отвагой», какъ выражаются шутники. Боже упаси танцующей дамѣ приподнять слегка край платья, какъ вообще принято на танцахъ.

— Вотъ безстыжая-то,—не стѣсняясь, пустятъ ей вслѣдъ.

Если же дама хочетъ по мѣстному танцевать эффектно, то она должна какъ можно сильнѣе трясти боками, подперши ихъ руками, или сложить руки на груди à la Наполеонъ. Она тоже можетъ танцевать «неглиже», едва переставляя ноги и зѣвая съ скучающимъ видомъ по сторонамъ... Если кому-либо удастся удачно выполнить всѣ эти требованія «хорошаго тона», его единодушно награждаютъ аплодисментами и даже просятъ повторить танецъ.

Для свѣжаго человѣка, любящаго и умѣющаго танцевать, здѣшніе танцы интересны какъ курьезъ, а не какъ удовольствіе.

Впрочемъ, можно и за танцами доставить себѣ удовольствіе, напримѣръ, съ офицерами, если набраться храбрости и поспорить съ ними. Всѣ они одинаково неинтересны и нерѣдко поругиваютъ Чехова за офицеровъ въ «Трехъ сестрахъ» и Куприна за «Поединокъ». Но есть и между ними такіе, которые избѣгаютъ убивать свой досугъ по ресторанамъ и даже заботятся о культурныхъ развлеченіяхъ солдатъ. Устраиваютъ солдатскіе спектакли, но актеры, участвующіе на сценѣ, преимущественно евреи.

— Русскаго не нашлось,—добродушно сознаются офицеры. А еврейчики свободно держатся и во фракахъ и безъ затрудненія обращаются съ бѣлыми перчатками...

Несмотря на то, что порой со сцены до уха доносится слова вродѣ «виставочки» и «мисляца», но все-таки въ нѣкоторыхъ изъ артистовъ чувствуется дарованіе. А солдатики изъ зрителей, очевидно, всѣ довольны, можетъ быть, не столько самими водевилями, сколько лицезрѣніемъ своихъ сотоварищей въ роли «лицедѣевъ...» Устройство такихъ спектаклей должно имѣть немалое воспитательное значеніе для солдатъ, наполняя ихъ досугъ культурнымъ развлеченіемъ и въ видѣ репетицій и всякихъ приготовленій къ спектаклю, и отраднаго впечатлѣнія, когда офицеры хорошо держатся по отношенію къ солдатамъ... Конечно, рядомъ съ актерствомъ было бы гораздо полезнѣе въ полкахъ завести сельско-хозяйственные курсы для солдатъ, уходящихъ въ запасъ и могущихъ по возвращеніи въ свои деревни подѣлиться съ крестьянами научными свѣдѣніями о сѣменахъ, посѣвѣ, парѣ, обработкѣ почвы, пропадныхъ растеніяхъ, кормовыхъ травахъ и плодосмѣнѣ. Наглядному обученію могло бы содѣйствовать и показательное поле, позволяющее знакомить солдатъ практически съ улучшенными приѣмами сельско-хозяйственной техники.

Въ нѣкоторыхъ городахъ это вводится по полкамъ, и тамъ солдаты всегда заняты и не отвыкаютъ отъ деревенскихъ работъ.

Какъ знаменіе развитія въ Челябинскѣ «цивилизациі» съ изнанки, является кафе-шантанъ, расположенный на хорошенькомъ островкѣ на рѣкѣ Міясѣ. Для характеристики этого эдема можно указать на отличавшихся здѣсь неоднократно солидныхъ представителей коммерческаго міра, опавшихъ до смерти шампанскимъ юныхъ «рабынь веселья»...

Есть въ Челябинскѣ и народный домъ. Къ сожалѣнію, въ немъ нѣтъ постоянного театра, а спектакли устраиваются періодически заѣзжими гастролерами или любителями въ пользу недостаточныхъ реалистовъ, студентовъ и т. п.

Дальнѣйшее объединеніе людей идетъ черезъ реальное училище и женскую гимназію. Существуютъ епархіальное училище и городская бесплатная бібліотека. Для магометанскаго населенія имѣется

Екатеринбургская улица.

мечеть. Недавно отстроено величественное зданіе пересыльной тюрьмы на берегу рѣки Міяса.

Челябинскъ является однимъ изъ наиболѣе значительныхъ этаповъ не только для пересыльнаго населенія, но и для всѣхъ пассажировъ, ѣдущихъ въ Сибирь. На челябинскомъ вокзалѣ въ среднемъ перебиваетъ пересаживающихся пассажировъ до 15 тысячъ въ день, не считая переселенцевъ. Громадное число пассажировъ ѣдетъ въ 4-мъ классѣ, тарифъ котораго равняется $\frac{1}{2}$ тарифа 3-го класса. Для этого многочисленнаго класса пристроено отдѣльное деревянное зданіе вокзала 4-го класса, гдѣ можно наблюдать типы самыхъ разнообразныхъ народностей, начиная отъ великоросса и кончая бурятами.

Вся разношерстная масса людей въ ожиданіи пересадокъ располагается прямо на каменномъ полу платформы, раскинувъ подъ открытымъ небомъ свои тюки, и нерѣдко проводитъ тутъ же и ночь.

Въ толпѣ слышенъ говоръ всевозможныхъ нарѣчій. Мелькаютъ разнообразныя бусы на грязныхъ шеяхъ женщинъ; обнажены ихъ бѣлыя или изморенныя груди, кормяція открыто младенцевъ; всевозможныя головныя уборы; подобранныя выше колѣнъ сарафаны рязанскихъ бабъ; разбросанныя группы лицъ, сонныхъ или острящихъ другъ надъ другомъ....

Это наши переселенцы, ищущіе лучшихъ мѣстъ за Ураломъ.

IV.

Вопли о «землицѣ», о надбавкѣ надѣловъ такъ слились съ жизнью крестьянина, что трудно себѣ представить великороссійскую деревню безъ болѣзненнаго стона: «землицы бы, землицы!»..».

Совсѣмъ иное настроеніе испытываешь въ средѣ крестьянъ зауральскихъ губерній.

Переваливъ черезъ горы, чувствуешь себя здѣсь точно попавшимъ въ иную страну, въ страну съ иными интересами, иными нуждами, чѣмъ тѣ, которыя снѣдаютъ наше «россійское» крестьянство.

Какъ-то странно не слышать здѣсь обычныхъ крестьянскихъ жалобъ на отсутствіе земли.

Конечно, у населенія этого края есть свои нужды, о которыхъ слѣдуетъ говорить, но нѣтъ этой острой нужды въ землѣ. Вмѣсто обычныхъ причитаній о землицѣ слышишь обыкновенно:

— Слава Богу, земля-то хватаетъ... Управиться бы только Богъ силы послалъ.

Крестьянскіе надѣлы отличаются и здѣсь общей непропорціональностью по количеству душъ, но зато самые надѣлы крупныя (до 15 десятинъ на душу) и, кромѣ того, въ любое время можно купить или взять въ аренду земли у татаръ, нерѣдко предпочи-

тающихъ идти на заработки въ ближайшіе города, чѣмъ заниматься земледѣліемъ. Пахотную землю отдаютъ по 2 рубля за десятину, а вспаханную два раза и вполне готовую для посѣва землю нерѣдко можно получить по 8 рублей за десятину. У трезваго трудящагося хозяина зачастую на поляхъ, въ 15 десятинъ на душу, посѣяно ржи, пшеницы, овса, проса и т. п. хлѣба. Хозяинъ, вмѣсто уборки съ полей новаго хлѣба, складываетъ въ амбаръ въ іюлѣ мѣсяцѣ только что перемолотый на мельницѣ прошлогодній хлѣбъ... Не много, не мало на трехъ телѣгахъ, по 25 пудовъ каждая. Въ то время, когда въ великорусскихъ губерніяхъ обработка и уборка хлѣба машинами прививается лишь въ помѣщичьихъ и «раціональныхъ» хозяйствахъ, а по крестьянскимъ землямъ еще тащатся на заморенныхъ сивкахъ допотопныя сохи и бороны, въ Оренбургской губерніи, не говоря уже объ Уфимской и восточной части Пермской, ручная уборка хлѣба у зажиточныхъ земледѣльцевъ почти совсѣмъ уже отошла въ область преданій. Каждый домовитый крестьянинъ стремится сколотить сотню-другую рублей на приобрѣтеніе жнейки, молотилки, сѣялки и вѣялки, а нерѣдко и сноповязки, т. е. самой усовершенствованной полевой машины, снимающей съ земли колосья и вяжущей его въ готовые снопы. Къ наилучшей обработкѣ крестьянами земли является, конечно, примѣръ сосѣда, обработавшаго свою ниву машинами.

Дѣйствительно, контрасты между ручнымъ способомъ обработки и машиннымъ получаются убѣдительные... На вопросъ о причинѣ такого различія въ хлѣбныхъ всходахъ, вмѣсто обычныхъ великорусскаго крестьянина ссылокъ на Бога, зауралець, съ несомнѣннымъ уваженіемъ къ усовершенствованному способу хозяйствованія, отвѣчаетъ:

— Все обработка... все обработка... Какъ побогаче хозяйство, такъ и нива лучше... Все машины... Надѣлы у всѣхъ одинаковые. Земля одна, погода одна, а урожай разные... Стоитъ богачу орудія потерять, такъ и пашня «спадетъ», а бѣднякъ обзаведется машиной, да не полѣнится—такъ съ какимъ угодно богачомъ сравниваетъ свою ниву. Это только Богъ лѣса не уравниваетъ, а колосья всегда сравнять можно. Земля даетъ то, что отъ нея требуютъ.

Въ эти-то просторные края и тянутся переселенцы изъ тѣсныхъ российскихъ губерній, расселяясь по Оренбургской губерніи на казачьихъ или на киргизскихъ земляхъ. Бѣдутъ цѣлыми деревнями или отдѣльными семьями, преимущественно хохлы Кіевской, Екатеринославской, Полтавской и иныхъ губерній, а также и нѣмцы изъ колонистовъ Приволжья. Въ Оренбургской губерніи не рѣдко наткнутся гдѣ-нибудь посреди степи или лѣса на шалашъ изъ сучьевъ и вѣтвей, слегка засыпанныхъ землей, а вокругъ подъ открытымъ небомъ домашніе аксессуары вроде печки-ма-

занки, сучковатаго дерева съ развѣшанными на немъ, въ видѣ фантастическихъ плодовъ, различными горшками для просушки. Среди киргизскихъ степей и татарскихъ ауловъ вдругъ зазвучитъ характерная хохлацкая рѣчь, мелькнетъ распитая рубаха «дивчины» или мерлушечья шапка парубка, а за ними и веселенькая хатка-мазанка, убранная внутри узорными полотенцами, съ «тавченыками» и горилкой на столѣ. Встрѣчаются и типичные нѣмцы въ «кепкахъ», съ трубками во рту и бѣлыхъ панталонахъ.

Различные результаты урожаявъ у различныхъ переселенческихъ группъ, съ различными характерами и работоспособностью, подтверждаютъ собою парадоксъ о томъ, что «земля даетъ то, что отъ нея требуютъ».

У туземнаго населенія, у хохловъ, у нѣмцевъ та же самая земля является различной продуктивности.

Обнищавые хохлы, съ примитивными орудіями обработки и природной флегматичностью характера, что называется, «спускаютъ» землю, а энергичные приемы обработки нѣмецкихъ колонистовъ и ихъ предприимчивость создаютъ поразительные результаты.

Въ то время, когда меланхолически-поэтический малороссъ вздыхаетъ о томъ, что въ такомъ суровомъ климатѣ нельзя «никакой хрукты» посѣять, нѣмецъ засѣваетъ цѣлыя поля картофелемъ и получаетъ превосходный урожай.

«Переселенческій пунктъ» въ Челябинскѣ занимаетъ собою громадную огороженную заборомъ площадь, застроенную домиками для останавливающихся въ Челябинскѣ переселенцевъ. Здѣсь помѣщаются переселенческая больница, столовая, баня и канцелярія по переселенческому дѣлу. Къ пункту подведена особая желѣзнодорожная вѣтка для посадки и высадки переселенцевъ.

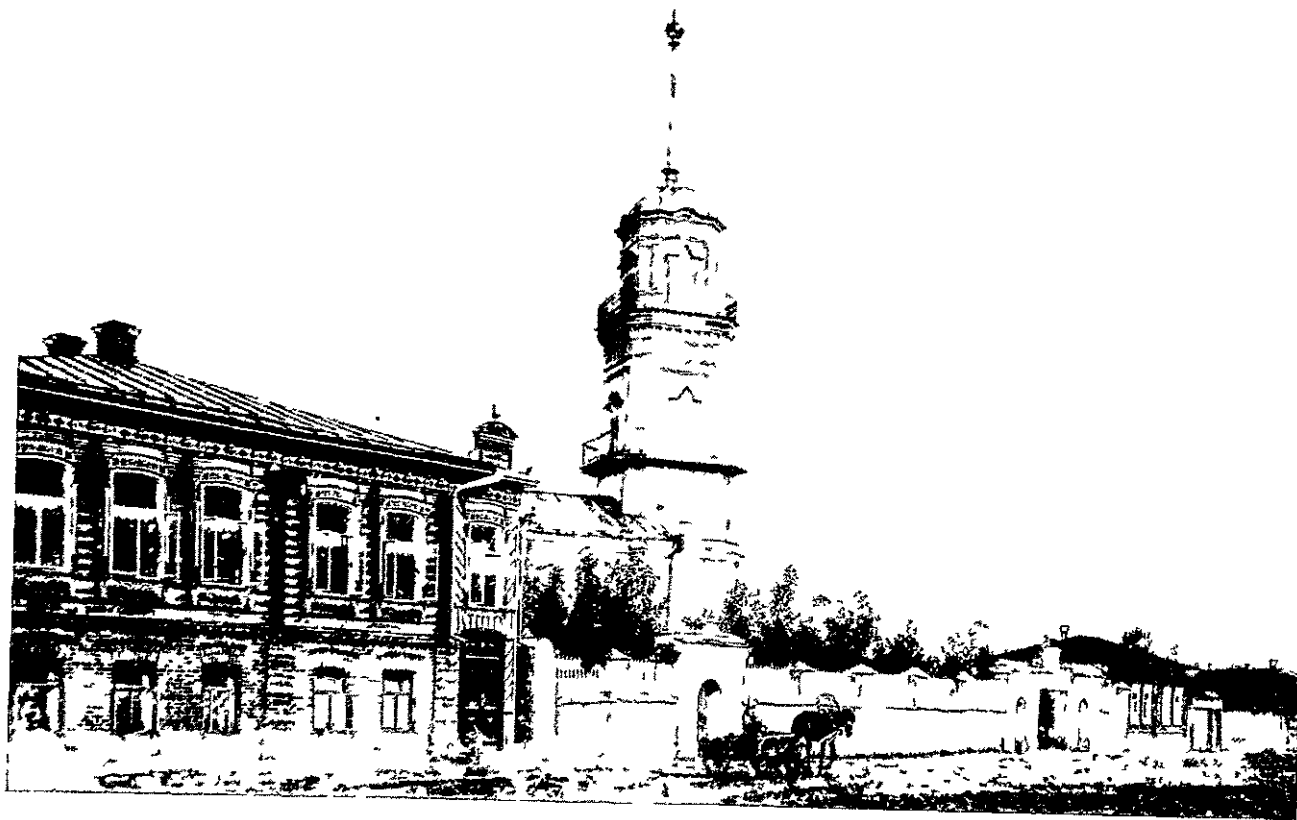
V.

Переселенческое движеніе растеть изъ года въ годъ.

Съ 1860—1885 г. число выселившихся въ Сибирь опредѣлялось въ 300 тысячъ человекъ, устроившихся на новыхъ мѣстахъ (665 селеній) безъ всякаго участія правительства.

Въ настоящее время извѣстно, что одинъ 1906 годъ далъ 141.294 души семейныхъ переселенцевъ обоюго пола, 1907 г. — 427.339 душъ и въ 1908 г., съ 1 января по 1 августа, черезъ Челябинскъ прошло въ Сибирь 549.071 человекъ.

Причинъ къ выселенію крестьянъ изъ Россіи за Уралъ существовало множество: сначала Сибирь колонизировалась ссыльными преступниками, а затѣмъ бѣглыми, вслѣдствіе отмѣны Юрьева дня и прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, гоненій на раскольниковъ и старообрядцевъ, установленій ревизій, рекрутчины, двадцатипятилѣтней солдатчины, деспотизма помѣщиковъ

Татарская мечеть.

и т. д. Уже позднѣе, вслѣдствіе малоземелья, появляются добровольные переселенцы. Въ настоящее время въ Россіи для прроста населенія почти нигдѣ не хватаетъ земли, а гдѣ она есть—нѣтъ никакой индустри... Все это вынуждаетъ людей покидать старыя мѣста.

Въ журналѣ «Сибирскіе Вопросы» Л. Чермакъ, говоря о землепользованіи въ переселенческихъ поселкахъ, замѣчаетъ, что прежде всего мы наталкиваемся въ Зауральѣ на отсутствіе частнаго права на землю. Землю можно пользоваться, но не распоряжаться,—ее нельзя ни продать, ни подарить другому. Этого права лишены переселенцы и, до изданія новаго закона, они являются лишь наслѣдственными пользователями ея за уплату извѣстнаго оброка. Тѣмъ не менѣе на этихъ земляхъ, представляющихъ государственный фондъ, устраиваются, и довольно прочно, и малороссы, и литовцы, и выходцы изъ прибалтійскихъ и юго-западныхъ губерній, которые, якобы, не могутъ мириться съ неполнымъ правомъ на землю. Здѣсь они мирятся съ этимъ, сживаются, и если успѣваютъ создать себѣ благосостояніе, то не думаютъ о возвратѣ на родину, гдѣ господствуетъ частное право на землю. Въ иныхъ мѣстахъ въ казенныхъ поселкахъ господствуетъ общинный принципъ, въ другихъ—подворный. Немало смуты въ этомъ отношеніи, говоритъ Л. Чермакъ, вносятъ чиновники, которые навязываютъ новоселамъ подворную форму, не позаботясь при этомъ выяснить имъ, что такое это значить. Быть можетъ, впрочемъ, они и сами плохо себѣ представляли, въ чемъ тутъ дѣло.

Тысячи переселенцевъ выселялись ежегодно ранѣе на Кавказъ, а теперь за Уралъ, въ Алтайскій округъ, въ Семирѣченскую и Акмолинскую области, въ Уссурийскій край и т. д.

Южныя губерніи даютъ наибольшій контингентъ переселенцевъ. По даннымъ земствъ изъ губерній Екатеринославской, Харьковской, Кіевской, Черниговской и Полтавской къ 1 октября 1908 г., переселенческое движеніе выразилось слѣдующими величинами: изъ Екатеринославской губерніи прослѣдовало черезъ регистраціонные пункты 23.067 переселенцевъ и 3.375 ходоковъ, всего 26.442 души обоого пола; изъ Харьковской губ. 31.942 переселенца и 4.460 ходоковъ, всего 36.402 души; изъ Кіевской губ. 42.894 переселенца и 5.273 ходока, всего 48.167 душъ; изъ Черниговской губерніи 46.143 переселенца и 7.216 ходоковъ, всего 53.359 душъ, и изъ Полтавской губ. 52.085 переселенцевъ и 7.414 ходоковъ, всего 59.499 душъ.

Обыкновенно массовое передвиженіе крестьянъ изъ внутреннихъ губерній въ Сибирь производится въ товарныхъ вагонахъ, наскоро приготовленныхъ для перевозки людей.

Переселяющіеся зафрахтовываютъ вагоны по сильно пониженному тарифу и набиваютъ снизу и доверху, на придѣланныхъ въ два ряда нарахъ, народомъ обоого пола и самаго разнообразнаго возраста.

Съ глубокимъ и жуткимъ интересомъ смотришь на этихъ людей, отдавшихся какой-то стихійной силѣ обнищанія и съ безчисленными вопросами набрасывающихся на каждого, знающаго Сибирь... Но что можно сказать имъ ободряющаго, когда слушаешь рассказы переселенца о томъ, какъ дома жмутъ мужика податями; какъ было распродано его имущество до послѣдней нитки и собрано на переселеніе всей семьи 70—80 руб.; какъ не могли оторвать отъ могилъ старуху-мать и какъ звывала его собственная «баба», ухватившись за косякъ покидаемой избы и ударяясь головой объ стѣну?.. Что можно думать о переселенческой эпопее, когда и самъ хозяинъ-переселенецъ нерѣдко умираетъ въ дорогѣ среди степи, не доѣхавъ до новыхъ мѣстъ и покинувъ на произволъ судьбы жену и дѣтей?

Кто только можетъ, всякій тѣснить переселенца: и дровъ вдоволь не даютъ въ холодныхъ телячьихъ вагонахъ, и кипяткомъ на станціяхъ предлагается въ какихъ-то грязныхъ чанахъ, въ большинствѣ случаевъ не прокипяченный, и питательныхъ пунктовъ въ пути не устроено, и первое пособіе отъ казны не радуется переселенца. «Дѣло въ томъ,—пишутъ въ «Сибирскихъ Вопросахъ»:—что правительство, не довѣряя переселенцамъ на тотъ случай, чтобъ они, получивъ пособіе, при помощи его, не удрали обратно въ Россію, растягиваетъ выдачу опредѣленной суммы. Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, тотъ же самый переселенецъ, или «самоходъ»,—какъ ихъ называютъ старожилы—въ лаптяхъ, съ сумкой за плечами и палочкой въ рукахъ стучится вновь въ двери къ переселенческому начальнику. Вѣжливость у букваѣда-патрона, что была при первой выдачѣ, пропадаетъ. Онъ торопливо объясняетъ «букву» закона, что вторая выдача подлежитъ не черезъ два, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и что онъ, какъ формальный исполнитель закона, ничего сдѣлать не можетъ,—и старается поскорѣе выпроводить посѣтителя изъ канцеляріи. А потомъ? Потомъ тщетные поиски работы. Цѣлый рядъ «нижайшихъ» прошеній о «способіи» въ переселенческое управленіе, къ министру, въ думу, къ царю, и т. д. Стоитъ только приподнять таинственную завѣсу переселенческихъ канцелярій, какъ передъ вами встанутъ цѣлые вороха прошеній о «способіи», и раскроется весь ужасъ вопіющей бѣдноты переселенцевъ. Тысячи прошеній индивидуальных, коллективныхъ, и всѣ они говорятъ объ одномъ: «Два года на участкѣ, а нѣтъ ни крохи хлѣба, ни сѣмянъ для посѣва, ни плуга, ни бороны, ни лошади, ни коровы... Ребятишки режутъ... голодаемъ. . .» Земельные участки часто находятся за 200—300 верстъ

отъ переселенческихъ пунктовъ. «Самоходъ» за каждой двадцатирублевкой, несмотря на 30° морозъ, несмотря на страдное время, долженъ тащиться къ своему патрону. На это расходуются бесполезно цѣлыя недѣли времени и порядочныя для мужика деньги... Подталкиваемые голодомъ, переселенцы за пособіемъ являются, обыкновенно, раньше установленнаго срока и имъ приходится или уходить обратно и приходиться черезъ извѣстное время снова, или ждать, шатаясь по окрестностямъ.

Но часто бываетъ такъ, что срокъ пришелъ, да страшились какія-то бѣды въ переселенческой канцеляріи—то авансъ не получили, то у чиновника «спѣшныя дѣла» и прочее, и въ результатѣ получается картинка: сотни переселенцевъ, въ дырявыхъ кафтаннахъ, лаптяхъ, съ сумками за плечами и посохами въ рукахъ, при 30° морозѣ, переминаются съ ноги на ногу у калитки переселенческаго чиновника нѣсколько дней подъ рядъ, съ самаго ранняго утра до поздняго вечера.

Переселенцы, имѣющие возможность, сейчасъ же пускаются въ обратный путь на родину. Нѣкоторые нищенствуютъ, немногіе пристраиваются въ уѣздномъ городѣ въ качествѣ кучеровъ, дворниковъ, ночныхъ сторожей или въ деревнѣ у зажиточныхъ «старожилловъ» въ качествѣ батраковъ.

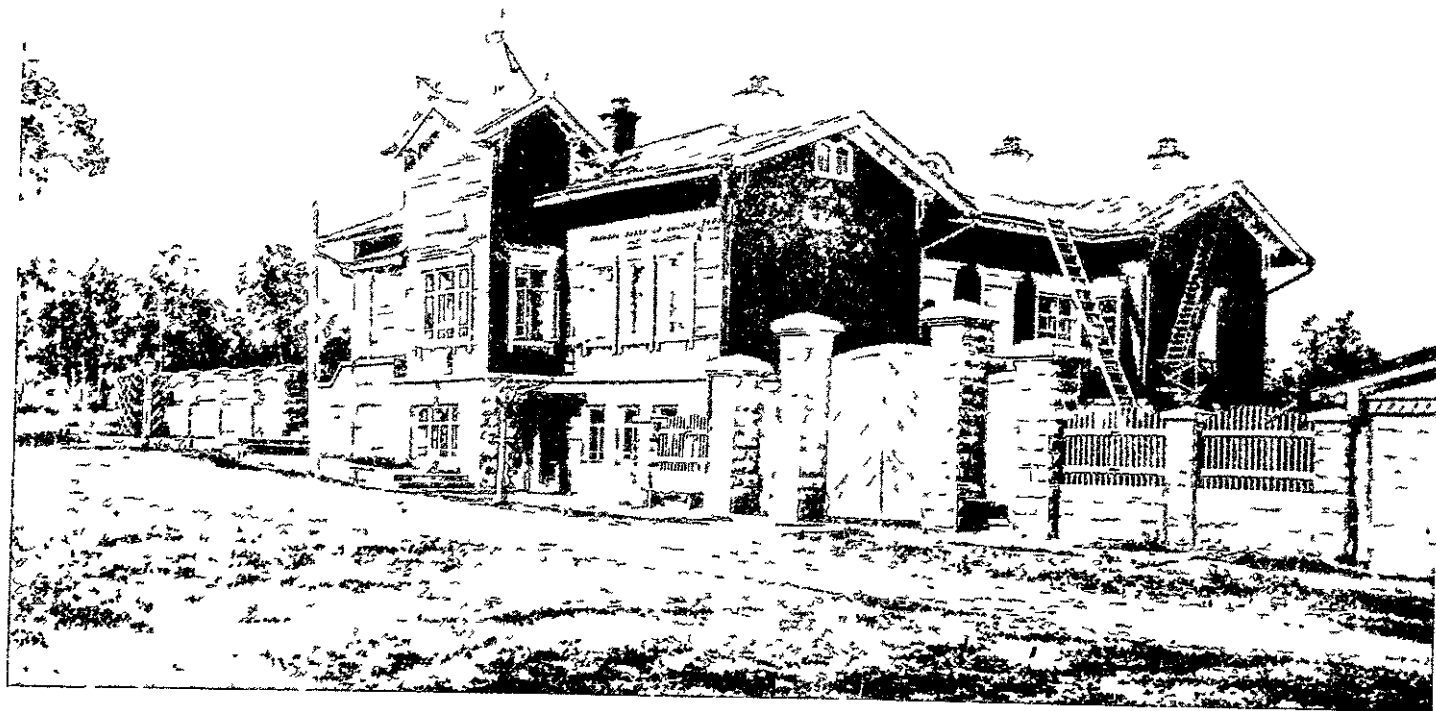
Въ запискахъ ходока Сумкина отъ крестьянъ Калужской губерніи («Въ Сибирь за землею») описано въ такихъ же безотрадныхъ краскахъ положеніе переселенцевъ, отправляющихся на новыя мѣста на пароходахъ. Палубы пароходовъ заваливаются грузомъ, и потому приходится располагаться на дровахъ, ящикахъ съ грузомъ, на своихъ пожиткахъ. Особенно тяжело положеніе дѣтей, которыя располагались рядами по полу въ проходахъ, гдѣ отъ машины и изъ кухни распространяется удушливый паръ, а съ боковъ отъ колесъ и кловетовъ дуетъ пронизывающій холодъ.

Цѣлый рядъ разочарованій испыталъ ходокъ во время своего пребыванія въ Сибири. Еще дорогой встрѣтилъ онъ множество «обратныхъ». «Угрюмо смотрѣли они на ѣдущихъ впередъ, зная, что болѣе половины ихъ также поѣдутъ обратно черезъ нѣкоторое время и также будутъ мрачны и разорены, безъ дѣтей и безъ имущества».

Обратно переселенцевъ прошло черезъ Челябинскъ въ Россію съ 1 января по 1 августа 1908 года 52.855 дупъ обоюго пола.

«— Что было бы,—спросилъ Сумкинъ одного переселенца:—если бы ты сумму, какую ты переполучилъ изъ казны, то въ ссуду, то какъ кормовыя, да дать тебѣ на родинѣ на поправленіе хозяйства?»

«— О, я былъ бы первымъ хозяиномъ. Да хотя бы не денегъ, а только дали бы земли да хорошихъ сѣмянъ. Да тамъ я могъ бы со временемъ расплатиться за все, а тутъ...»—бывшій росіянинъ махнулъ рукой.

Таможня.

Конечно, правительство старается организовать переселения, привлекаетъ къ дѣлу изслѣдованія климата и почвы даже ученые силы, прокладываетъ дороги, устраиваетъ на новыхъ мѣстахъ бани, школы, лечебницы и т. д. Но всего этого далеко не достаточно, и существуетъ взглядъ на переселенческое дѣло, отстаиваемый даже въ государственной думѣ, по которому только одно надѣленіе безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ землей въ предѣлахъ Европейской Россіи можетъ сократить и упорядочить переселенческое движеніе.

Это требованіе устройства крестьянъ на отцовскихъ надѣлахъ въ предѣлахъ Европейской Россіи представляетъ тоже значительныя трудности. Въ большинствѣ случаевъ у крестьянъ надѣлъ существуетъ на одну душу, а у отца въ семьѣ четверо сыновей и у сыновей—своя семья, тоже съ дѣтьми... Какъ же устроиться и жить тутъ? Покойный Н. М. Ядринцевъ иронически отвѣчалъ на этотъ вопросъ такъ: «Причины выселенія не малоземелье. Это вздоръ. Спасеніе не въ переселеніяхъ, а въ поднятіи культуры и улучшеніи хозяйства. Значитъ, надо только заставить мужика пользоваться $\frac{1}{2}$ или 1 десятиной земли? Задерживать переселеніе и искать другихъ средствъ—это взглядъ извѣстной партіи, весьма выгодной крупнымъ землевладѣльцамъ. Повысятся цѣны на земли, аренды, увеличится батрачество, удешевится трудъ, создастся крупное фермерство, а затѣмъ и культура, купленная дешевизной батрака. Можетъ быть, этой культуры желаютъ»? (Приведено изъ письма Ядринцева къ Л. Х. Симоновой въ брошюрѣ А. И. Фаресова «Забытая писательница»). Разумѣется, такой культуры на «отцовскихъ надѣлахъ» желаютъ только реакціонеры. Тѣмъ не менѣе и безвозмездная передача малоземельнымъ крестьянамъ земель помѣщичьихъ, государственныхъ, кабинетныхъ, удѣльныхъ и монастырскихъ является неосуществимой задачей въ настоящее время, и крестьяне, лишеныя всякой возможности бороться за указанное рѣшеніе аграрнаго вопроса, естественно, въ данный моментъ предпочтутъ переселеніе на новыя мѣста, чѣмъ сидѣть на старыхъ и мечтать о ликвидаціи современнаго положенія дѣлъ. Крестьяне, конечно, скорѣе примкнутъ къ практикамъ, чѣмъ къ крайнимъ теоретикамъ...

Словъ нѣтъ о томъ, что при современной бюрократической организаціи переселенческаго дѣла переселеніе грозитъ крестьянамъ тяжелыми страданіями по пути и на мѣстахъ; что переселенческіе чиновники насильственно отнимаютъ земли у ипородцевъ и нарушаютъ интересы старожилонъ; что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ правительство своими переселенческими мѣропріятіями преслѣдуетъ чисто политическія цѣли, какъ-то: возбужденіе національной розни между переселенцами и туземнымъ населеніемъ, насильственную руссификацію края и т. д. Но всѣ эти недочеты въ переселенче-

скомъ дѣлѣ должны быть устранены болѣе точными справками ходоковъ о новыхъ мѣстахъ; болѣе выгоднымъ прекращеніемъ крестьянами своего стараго хозяйства при участіи земствъ; болѣе справедливымъ взглядомъ на то, что прежде надо устраивать уже осѣвшее старожилое населеніе, а уже затѣмъ оставшіеся излишки земли предоставлять переселенцамъ. Необходимо, — какъ было заявлено даже въ государственной думѣ, — чтобы инородцы были устроены по особо выработаннымъ для нихъ нормамъ, соответствующимъ климатическимъ и природнымъ условіямъ края для возможнаго веденія земледѣльческо - скотоводческаго хозяйства; чтобы переселенческое управленіе обращало главное вниманіе при землеотводныхъ работахъ не на количество нарѣзываемыхъ душевыхъ долей, а на ихъ качество, на ихъ пригодность и способность создать прочное экономическое обезпеченіе переселенцу; чтобы политика исключительнаго расширенія земельного фонда была оставлена; чтобы переселенческое управленіе руководилось не какими-нибудь особыми видами правительства, а исключительно нуждами колонизируемаго края, нуждами населенія и нуждами переселенцевъ...

Всѣ эти пожеланія вполне достижимы и при современной организаціи переселенческаго дѣла, если ввести въ него реформы. Въ этихъ реформахъ ничего нѣтъ чрезмѣрнаго. Если для многихъ убѣжденныхъ лицъ является возможнымъ устроить малоземельныхъ крестьянъ на старыхъ мѣстахъ въ Европейской Россіи не только поднятіемъ ихъ образованія, но и безвозмездной прирѣзкой земли, то почему же безнадежно махать руками на переселенцевъ, не находя для нихъ ни счастья, ни мѣсть на Кавказѣ, въ Туркестанѣ, въ Сибири и въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи? Первое гораздо труднѣе осуществить, чѣмъ второе...

Правда, и переселенческое дѣло очень сложное: торжество въ немъ принципа *laissez faire* (правительственнаго невмѣшательства), какъ это одно время было заведено въ Америкѣ, поведетъ тоже къ тому, что мѣстные старожилы слижутъ сливки, т.-е. захватятъ на правахъ переселенцевъ лучшіе дуга по рѣкамъ, лѣса близъ пристаней и т. д. Переселенцамъ изъ Россіи въ Сибири достанутся худшія мѣста. Но и правительственная регламентація, съ чиновничьей волокитой, произволомъ и нерѣдко воровствомъ, т.-е. обложеніемъ каждой переселенческой семьи произвольнымъ поборомъ со стороны мелкихъ агентовъ и т. д. — невыносимый тормозъ по отводу земель новымъ людямъ. Между тѣмъ, если переселенческое дѣло ведется чиновниками правильно, то, не обижая старожиловъ и туземцевъ, земля для благоустройства семьи поселенцевъ можетъ обходиться казнѣ гораздо дешевле, чѣмъ покупка крестьянами такой же земли въ Россіи черезъ крестьянскій банкъ. Агрономическія указанія завѣдующихъ переселенческими партіями и ихъ ходатайства передъ министерствами также весьма драгоцѣнны для новыхъ земледѣльцевъ на новыхъ мѣстахъ.

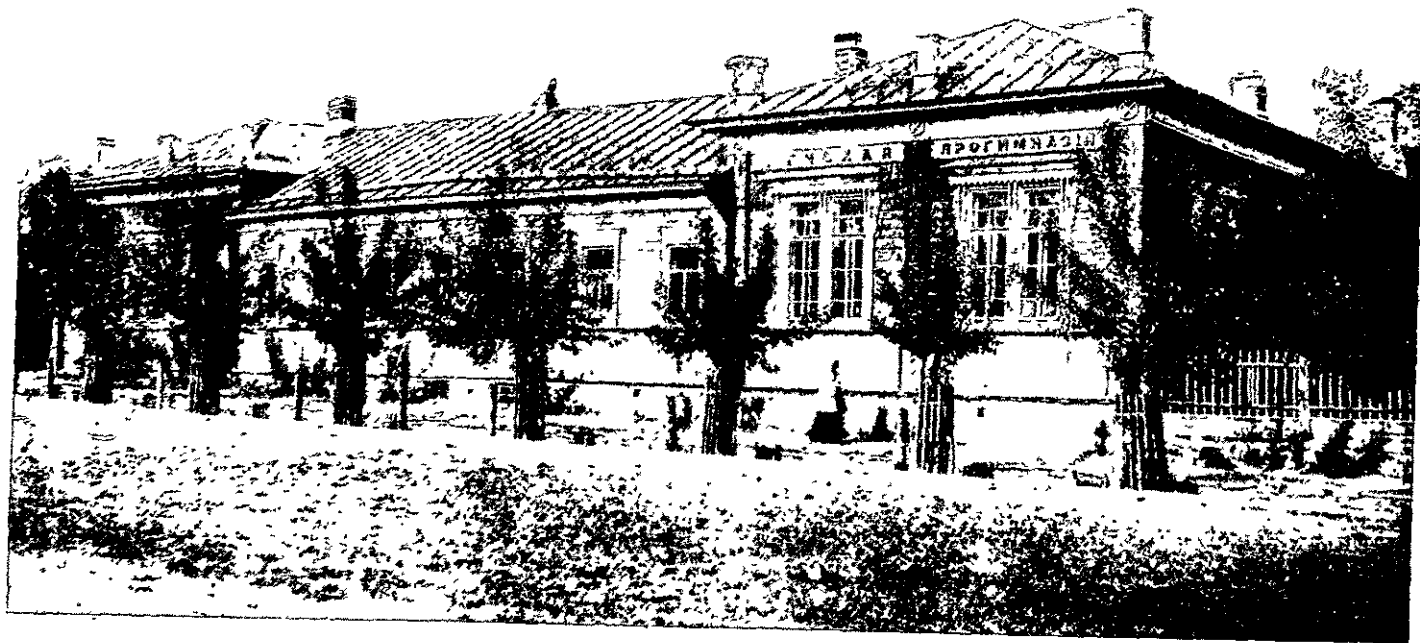
VI.

Зауралье благословенный край не только обиленъ и тучностью земли, но и иными дарами природы...

За послѣднее время все чаще и чаще начинаютъ открываться цѣлебныя свойства зауральскихъ восточныхъ озеръ. Въ большинствѣ случаевъ это горько-соленыя и іодистыя воды. Разбросанныя среди степей, зачастую не имѣя никакого названія, озера дѣлаютъ свое дѣло, предотвращая и исцѣляя недуги населенія, живущаго по ихъ берегамъ. За границей эти цѣлебные пункты давно бы уже эксплуатировались находчивыми предпринимателями и собирали бы публику со всѣхъ концовъ свѣта. У насъ же эти озера обслуживаютъ лишь мѣстныхъ прибрежныхъ жителей.

За самое послѣднее время нѣкоторыя изъ такихъ озеръ начинаютъ, однако, получать болѣе широкую извѣстность, которая растетъ съ каждымъ годомъ. Таково, напримѣръ, озеро Ала-Куль, находящееся въ 8 верстахъ отъ развѣзда того же названія, на 69 верстѣ отъ Челябинска по Сибирской желѣзной дорогѣ. Каждое лѣто въ расположенную на озерѣ деревушку Тихововку съѣзжаются изъ окрестностей и прилегающихъ губерній, преимущественно Вятской и Пермской, до 500 человекъ, жаждущихъ исцѣленія отъ ревматизма и ишіаса. Тѣ, кому прописываются горячія ванны, привозятъ таковыя съ собой, подогреваютъ въ нихъ озерную воду и такимъ образомъ получаютъ горячія ванны. Бывали поразительные случаи исцѣленія. Многие больные пріѣзжаютъ съ едва передвигающимися ногами и уѣзжаютъ совершенно здоровыми. На берегу имѣется даже икона, поставленная какой-то оправившейся больной, уже не рассчитывавшей на выздоровленіе. Являлись лица, думавшія взять это озеро для курорта, — крестьяне запросили слишкомъ высокую плату. Они находятъ, что имъ выгоднѣе самимъ пускаться къ себѣ въ избы постояльцевъ, чѣмъ устраивать курортъ. Кстати сказать, деревня эта очень зажиточная и спокойная, съ крѣпкими и чистыми избами, специально построенными для пріѣзжающихъ на лѣто лечиться купальщиковъ. Всѣ оренбургскія озера не глубоки и похожи одно на другое.

Кромѣ водолеченія, въ Зауральѣ развито также и кумысолеченіе. Своими прекрасными результатами оно привлекаетъ все больше и больше лечащихся. Напримѣръ, мѣстечко Чумлякъ по Сибирской желѣзной дорогѣ насчитываетъ нѣсколько сотъ человекъ каждое лѣто легочныхъ больныхъ, жаждущихъ исцѣленія и истребляющихъ ежедневно по четверти кумыса на человекъ. Изъ лечащихся организируются обыкновенно цѣлыя колоніи. Хилая молодежь быстро объединяется, устраиваетъ экскурсіи, пикники съ гитарами и мандолинами, и къ концу сезона возвращается домой вполне здоровой. Къ сожалѣнію, русскіе люди слишкомъ мало знаютъ о чудо-

Женская гимназія.

дѣйственныхъ богатствахъ собственнаго края и растрачиваютъ свои средства на заграничныхъ курортахъ, не подозрѣвая существованія у себя на родинѣ ни солено-іодистыхъ озеръ противъ ревматизма, ни кумысолеченія противъ туберкулеза...

Въ Сибири имѣются даже свои «Нарзаны» въ связи съ легендами о томъ, какъ охотникъ подстрѣлилъ въ тайгѣ изюбра и долго преслѣдовалъ взнемогающаго звѣря. Вдругъ охотникъ видитъ, что изюбрь, припадъ къ землѣ, тотчасъ же выздоровѣлъ и быстро скрылся изъ глазъ.

— Ямаръ жихтэ имабэ? (что за чудо?)—закричалъ охотникъ и, подойдя къ мѣсту паденія изюбра, увидѣлъ источникъ холодной и бурлящей углекисло-содовой воды; такъ мгновенно возстановившей силы животнаго.

На этомъ мѣстѣ въ Забайкальѣ теперь курортъ Ямаровка.

Помимо лекарственнаго значенія, многочисленныя зауральскія озера изстари представляли собою крупную доходную статью по рыболовству для ихъ первобытныхъ владѣльцевъ. Но съ прибытіемъ русскихъ промышленниковъ озера были уступлены имъ въ хищническую аренду, и владѣльцы ихъ быстро обѣднѣли и прямо вымираютъ. Населеніе недобѣдаетъ, страдаетъ сифилисомъ, селится на гористыхъ мѣстностяхъ, неудобныхъ для хлѣбопашества и т. д. Наконецъ оно бѣжитъ за средствами къ жизни въ города.

Изъ разговоровъ узнаешь о печальныхъ причинахъ, заставившихъ ихъ покинуть свою родину.

— Изъ Уфимской губерніи мы...

— Что жъ ушелъ оттуда?

— Да рыба весь ушелъ; и я ушелъ... Жѣна на небо ушелъ, и рыбу нѣтъ. Озера маленькое стала... Задохся рыба... Кушать нѣту... качаетъ головой татаринъ или башкиръ.

Исслѣдованіе зауральскихъ озеръ, въ томъ числѣ и троицко-челябинскихъ, подтвердили постепенное ихъ обмелѣніе и осолонѣніе. Тѣмъ не менѣе мелкія изъ озеръ, «карасевыя лужи»,—въ то же время и самыя «кормныя»,—изобилуютъ мормышемъ (видъ мелкаго рака), который съ жадностью поѣдается рыбой. Вслѣдствіе этого за одно лѣто получается необычайно большой приростъ рыбы, въ особенности, если обратить серьезное вниманіе на пересадки рыбы въ такія мелкія изъ глубокихъ и холодныхъ озеръ, гдѣ рыба растетъ крайне медленно.

Въ Зауральѣ открывается широкая арена для пересадки и разведенія даже новыхъ породъ рыбы, имѣющихся по эту сторону Урала. Но объ этомъ очень мало думаетъ и мѣстное общество; и правительство. У насъ даже въ бассейнѣ рѣки Волги исчезаютъ многія породы рыбъ. Извѣстный ихтіологъ О. А. Гриммъ предсказываетъ, что бѣлорыбца, доходившая при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ до Шексны и Бѣлоозера, въ будущемъ исчезнетъ въ самой

Волгѣ, если не будетъ принято искусственныхъ мѣръ къ размноженію этой драгоцѣнной рыбы.

Между тѣмъ у насъ на всю Россію имѣется одинъ Никольскій рыбоводный заводъ въ Новгородской губерніи, съ четырьмя отдѣленіями, изъ которыхъ одно на все Зауралье, въ Уфѣ. А въ Швейцаріи, которая въ 19 разъ меньше Уральскаго края, имѣется 180 рыбоводныхъ заводовъ, изъ нихъ 22 казенныхъ. Въ Америкѣ правительство давно обратило вниманіе на то, что всѣ ея степи превращены въ пашни, что милліоны головъ скота идутъ въ Англію и что необходимо пополнить недостатокъ азотистой пищи рыбными промыслами. Оно отпускаетъ огромные кредиты на постройки рыбоводныхъ заводовъ; между тѣмъ у насъ по всему Зауралью разбросаны «карасевыя лужи» безъ всякаго призора. Мы не помогаемъ водной культурой земледѣльческой культурѣ и теряемъ на этомъ. Въ зауральскихъ озерахъ рыба совершенно измельчала, а лучшіе виды ея исчезли.

Уничтоженіе рыбы между прочимъ находится въ зависимости отъ несвоевременной сдачи озеръ въ аренду русскимъ рыбопромышленникамъ и несвоевременнаго запрета на ловлю рыбы. Специалисты объ этой исторіи неоднократно писали слѣдующее.

Торги обыкновенно происходятъ зимою, и аренда начинается и оканчивается около новаго года. Промежутокъ до начала новыхъ торговъ продолжался мѣсяца 2—3, въ самое глухое зимнее время, и въ это время всякая рыбная ловля преслѣдовалась. Крестьяне, не смѣя ловить рыбу даже и удочкой, прорубей вовсе не били, и озера, оставаясь подъ толстымъ слоемъ льда и снѣга въ теченіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ, задыхались.

Задыхалась рыба.

Крестьяне объясняли запрещавшему начальству, что рыба «задохнется». «Начальство,—говорить «Гол. Приур»,—совѣтовало имъ рубить проруби, но не давало права рыбачить. Крестьяне начали рыбу воровать. Они прорубали ночью такъ называемые «котцы», проруби-ямы не до воды, оставляя тонкій слой льда. Въ средіяѣ или съ боку котца прорубали «окно». Рыба массою не удержиимо кидалась къ этому окошку подышать воздухомъ, и вмѣстѣ съ водою, наполнявшею яму,—«котець» наполнялся рыбой. Затѣмъ изъ котца она вся безъ остатка въ полусонномъ состояніи вычерпывалась сачками. Изъ cadaго этого «котца» выбиралось отъ 5 до 15 пудовъ окуня, щуки и карася—рыбы, которая преимущественно водится въ приуральскихъ озерахъ. Практиковался и другой, пожалуй, болѣе истребительный способъ. Прорубались рядомъ двѣ проруби. Въ одной изъ этихъ прорубей гнали сильно воду лопатой по направленію къ другой проруби. Рыба громадною массою выбрасывалась волною изъ другой проруби на ледъ и собиралась руками. Набиралось обыкновенно до 10 пудовъ.

Таково наше «рыбоводное хозяйство»...

Ловля «ямами», давая возможность выловить самую мелкую рыбешку, производится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иначе. Нѣкто А. А. Исетскій говоритъ объ этихъ «чортовыхъ ловушкахъ» такъ:

Осенью, когда становится ледъ и настолько окрѣпнетъ, что будетъ въ состояніи держать человѣка, рыбакъ является на озеро и, разрубивъ въ нѣсколько аршинъ діаметромъ полынью, выбрасываетъ желѣзнымъ черпакомъ, насаженнымъ на длинный шестъ, — тину со дна озера на ледъ, углубляя такимъ образомъ дно аршина на полтора противъ нормальнаго его ложа. Продѣлавъ такую операцію, рыбакъ дѣлаетъ такую же яму недалеко отъ первой и т. д., выкапывая такихъ ямъ нѣсколько десятковъ, оставляя ихъ до февраля мѣсяца, но точно замѣтивъ мѣсто, гдѣ выкопаны ямы. Въ суровыя зимы вода промерзаетъ. Хотя караси и имѣютъ способность лежать въ тинѣ очень продолжительное время, оставаясь живыми, но, при возможности, и они предпочитаютъ жить въ болѣе глубокихъ мѣстахъ и въ данномъ случаѣ находятъ ихъ въ искусственныхъ ямахъ, которыя къ февралю мѣсяцу оказываются наполненными рыбой всякаго возраста. Такимъ образомъ рыба, попавшая въ эти «чортовы ловушки» и не имѣя никакого выхода, явившимся рыбакомъ въ февралѣ мѣсяцѣ добывается вся, посредствомъ сака. При этомъ губится огромная масса такой рыбешки, которая еще не успѣла достигнуть и полувершковаго роста и, слѣдовательно, не представляетъ никакой цѣнности въ продажѣ, но которая, будучи выброшена сакомъ на ледъ, въ морозъ, уже не можетъ жить и гибнетъ. Да и та рыбешка, которая и не попала въ сакъ, хотя и остается въ ямахъ, но, будучи помята, тоже гибнетъ, какъ и выброшенная на ледъ.

Между тѣмъ, помимо запрещенія ловли рыбы ямамъ, отравленія ядами, глушенія динамитомъ, несоблюденія сроковъ времени и т. д., рыбу можно спасти и отъ удушья подо льдомъ отъ недостатка кислорода существующимъ для этого приборомъ Лебедипцева, которымъ можно всю зиму слѣдить за содержаніемъ кислорода въ водѣ и задолго предупредить не только заморы, но и «задумчивость» рыбъ, вяло и тяжело дышащихъ разѣвающимися ртами, когда въ водѣ мало кислорода. Кромѣ ограниченія хищническаго лова, необходимо, чтобы земства содѣйствовали акклиматизаціи рыбъ и за удачную пересадку назначали преміи, какъ это практикуется въ Финляндіи, гдѣ такимъ путемъ, какъ свидѣтельствуя рыбководы, удалось пріохотить крестьянъ и цѣлыя сельскія общества къ разведенію рыбы,

Заканчивая свои соображенія о пересадкѣ рыбъ изъ глубокихъ озеръ въ тройско-челябинскія «карасевыя лужи», одинъ изъ специалистовъ этого дѣла, И. В. Кучинъ, говоритъ:

«Исходя изъ того соображенія, что самыя строгія полицейскія мѣры сами по себѣ, при малой культурности населенія, безсильны прекратить повсемѣстное хищническое истребленіе рыбы, а всѣ культурныя начинанія въ этой области будутъ малополезны, пока не будетъ надежной охраны нашихъ водъ, я приглашаю приуральскія земства къ совмѣстной работѣ съ правительствомъ въ дѣлѣ распространенія среди населенія здравыхъ понятій о жизни и размноженіи рыбъ и другихъ водныхъ животныхъ. Съ этой цѣлью желательно, чтобы земство удѣлило часть средствъ на приобретение и изданіе популярныхъ книгъ и наглядныхъ пособій по биологии рыбъ и рыбоводству и распространяло ихъ черезъ учителей среди школьной молодежи. Организація чтеній и бесѣдъ по рыбному хозяйству и образованіе въ рыболовныхъ мѣстностяхъ сельскихъ товариществъ и обществъ правильного рыболовства (наподобіе сельско-хозяйственныхъ обществъ) должны бы также составить одну изъ задачъ земства, инструкторовъ рыбоводства, а также смотрителей рыболовства».

Словомъ, богатства Зауральскаго края неисчислимы... Если до сихъ поръ они не создали изъ него благословеннаго уголка, то лишь потому, что эксплуатація этихъ богатствъ ведется слишкомъ примитивными способами.

Но Зауралье—страна будущаго и, при быстромъ ростѣ его городовъ, явятся и просвѣщенные дѣятели края, и новѣйшая техника всѣхъ отраслей прогресса.

А. М. Нечаева.

